

С. В. Максимов

Военный прогресс: социально-философский анализ

Монография

Военно-инженерный институт

СИБИРСКИЙ ФЕДЕРАЛЬНЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
SIBERIAN FEDERAL UNIVERSITY

Сергей Максимов

**Военный прогресс: социально-
философский анализ**

«Сибирский федеральный университет»

2014

УДК 327.5
ББК 66.4(0)

Максимов С. В.

Военный прогресс: социально-философский анализ /
С. В. Максимов — «Сибирский федеральный университет», 2014

В монографии анализируется важнейшая проблема современности – проблема военного прогресса, включающая в себя целый комплекс острых вопросов: война, мир и мирное сосуществование, специфика научно-технического развития. В свете консервативной и либеральной концепций военного прогресса рассмотрены особенности современного глобально-регионального мироустройства, которое пока не избавлено от конфликтов. Предназначена для научных работников, специализирующихся на исследовании актуальных проблем военного прогресса в глобальном мире как принципиальной составляющей прогресса социального.

УДК 327.5
ББК 66.4(0)

© Максимов С. В., 2014
© Сибирский федеральный
университет, 2014

Содержание

Введение	5
Глава 1. Военный прогресс как форма социального прогресса	7
1.1. Понятие военного прогресса	8
1.2. Основные типы военного прогресса	25
Конец ознакомительного фрагмента.	31

С. В. Максимов

Военный прогресс: социально-философский анализ монография

Введение

Для современного глобального мира характерен кризис как в политической, так и в социокультурной сферах, что, безусловно, отразилось на понимании сути и перспектив общечеловеческого прогресса, включая и военную область. Именно в этих условиях военный прогресс должен выступить в качестве одного из факторов социальной стабильности, выполняющего функции интеграции, консолидации различных поколений, народов и социальных групп. Во многом это связано с тем фактом, что прежние социально-философское знание не в состоянии ответить на все задачи вызовы глобального мира, а новое еще не сформировалось.

Проблема исследования военного прогресса состоит в том, что его состояние усугубляется влиянием различных политических партий и движений, стремящихся использовать военный прогресс для легитимизации своего существования. Более того, военный прогресс стал грозным оружием в политической и межнациональной борьбе. Все это выдвигает задачу глубокого социально-философского исследования военного прогресса, его многоуровневого содержания, особенностей проявления в переходный период, актуализации военного прогресса в современном российском обществе.

Очевидно, что подобные идеи, сформировавшиеся в период господства европоцентристского миропорядка, имели под собой определенную основу, поскольку главные векторы развития человечества определялись условиями, принципами и установками международных отношений, принятыми великими державами Запада, когда сама история человечества писалась западными авторами, с точки зрения Запада, и в интересах Запада. Но в наши дни, когда пришел конец западноцентристскому миропорядку, когда рассуждения о некоем однополярном миропорядке, на вершине которого в гордом одиночестве остаются США. Однако определенным силам на Западе, одержимым убеждением в превосходстве своих ценностей, оказалось весьма трудным делом должным образом осознать и принять эти новые реальности. Синтезировав это убеждение с тезисом об универсальности идей прав человека, политической демократии и рыночной экономики, некоторые поверили в полную и окончательную победу либерализма во всемирном масштабе и, соответственно, – ни мало, ни много – в конец истории.

В свое время идеологи тоталитаризма объявляли все ценности, идеи и принципы неверными, если они хоть в чем-то не совпадали с их учениями. В таком же духе в наши дни среди определенной части западной, прежде всего американской, политической и интеллектуальной элиты наблюдается тенденция придать весьма узкому комплексу своеобразно толкуемых либеральных идей и принципов, концентрирующихся вокруг прав человека, демократии и рыночной экономики, статус единственно верного учения, одинаково пригодного для всех времен и народов. Соответственно, реалии современного мира пытаются трактовать в духе дихотомической формулы «или-или», где на одной стороне стоят носители единственно верных, так называемых универсальных ценностей (права и свободы человека – демократия – рыночная экономика), а на другой стороне – другие народы и культуры, которые придерживаются иных, неверных или вредных, с точки зрения приверженцев этого нового учения ценностей.

В результате этого круг идей и ценностей в предлагаемой трактовке стали основой новой версии секулярного фундаментализма, которую доводами о необходимости распространения по всему миру универсальных ценностей пытаются использовать для установления монопо-

лии одной системы мировидения. В сущности все, что не вкладывается в рамки весьма узко понимаемой западной либеральной парадигмы, объявляется мракобесием, фанатизмом, терроризмом и т.д. Предъявляются претензии на то, чтобы распространить свои ценности и идеи, провозглашенные универсальными, по всему миру, всеми средствами, включая, когда это необходимо, и вооруженную силу. Но в условиях современного полицентрического миропорядка любые идеи, в том числе, идея прав и свобод человека, необходимы в качестве конкурентов других идей, в качестве сдержек и противовесов другим идеям. Но взятые в качестве стержневой составляющей идеологического обоснования внешнеполитической стратегии, они не могут не быть сопряжены со многими непоправимыми для международного мира и стабильности негативными издержками. Во всяком случае, при нынешнем положении вещей, комплекс этих ценностей может быть предложен человечеству в качестве некоего идеала, а не единственного пути решения стоящих перед мировым сообществом проблем.

Актуальность исследования детерминирована необходимостью философского анализа военного прогресса в разработке концептуальных принципов устойчивого развития различных типов обществ, которые выступают как залог устойчивости в условиях глобализационного давления.

Глава 1. Военный прогресс как форма социального прогресса

Исследование военного прогресса на историко-философском, культурологическом и историософском материале дает возможность выявить новые подходы к анализу современной обстановки в стране и за рубежом, четкого определения места и роли каждого общества в глобальном мироустройстве.

Социально-философский анализ военного прогресса имеет принципиальное практическое значение в связи с тем, что адекватное разрешение данной проблемы является условием успешного самоутверждения общества, достижения им практически значимых целей, обеспечения его устойчивого развития и благополучия.

Актуальным является исследование ряда важных аспектов военного прогресса с социально-философских позиций. Причины взаимозависимости общечеловеческого прогресса и военного прогресса достаточно очевидны, в частности, воздействие науки и военной техники на жизнь общества и человека присутствует всегда и определяется исторически сложившейся научной культурой. При этом связь категорий военного прогресса с категориями общественного прогресса сложна, многопланова, многоаспектна, а его анализ абсолютно необходим для извлечения уроков из прошлого, адекватного понимания современной действительности и социально-философского прогнозирования будущего. Военный прогресс во многом определяет политический режим, что в свою очередь, является существенным фактором направленности всего общественного прогресса. В условиях перехода российского общества к модернизационной модели развития исследование взаимодействия военного прогресса и развития общества представляется особенно актуальным.

Исследование военного прогресса позволяет выработать новые подходы к решению целого ряда актуальных и многозначимых задач, выдвигаемых на передний план современной социальной практикой, к примеру, проблемы войны и мира.

В данной главе исследуются социально-философские проблемы, связанные с понятием военного прогресса и особенностями его научного анализа в различных концепциях.

1.1. Понятие военного прогресса

Военный прогресс представляет собой часть общественного прогресса, поэтому анализ предполагает понимание общих проблем и критериев развития человечества на том или ином историческом этапе.

Прогресс (от лат. *progressus* – движение вперед) – направление поступательного развития, для которого характерен переход от низшего к высшему, от менее совершенного к более совершенному. Для любой теории прогресса актуальны два вопроса в рамках философии истории и социальной философии: что есть прогресс и можно ли рассматривать прогресс в качестве реальности лишь позитивного развития, либо правомерно соотносить «прогресс» и «регресс», учитывая сложность и противоречивость развития. Очевидно, что «развитие», как философская категория, кроме понятия «прогресс» охватывает понятие «регресс» (от лат. *regressus* – возвращение, движение назад).

Качественная характеристика прогресса определяется социально-экономическим строем, количественная – темпами материального и духовного производства, свойственного конкретно-историческому обществу.

Закон прогрессивного развития общества проявляется в сложных противоречиях. Это не беспрепятственный процесс, а преодоление регрессивных тенденций. Причем между разными сторонами общественной жизни могут возникать несоответствия в направленности. Рождение в обществе нового и прогрессивного одновременно означает, что что-то в нем устаревает, теряет необходимость. Это всегда связано с борьбой общественных групп, народов, социальных систем. В связи с этим возникает понятие реакции, т.е. те события, которые несут на себе печать старого, отмирающего. К явлениям реакции относится консерватизм как состояние застоя и реставрации, которая представляет движение общества вспять, временную победу реакционных сил над неокрепшими прогрессивными силами¹.

Развитие общества по своей сущности объективно, а по своему реальному проявлению это не что иное, как человеческая жизнь во всем ее многообразии в особенностях, борьба людей за свои потребности и интересы. Собственно человеческое содержание исторического процесса в общем и есть его субъективное содержание. Понятие субъективного – это понятие о специфически человеческих качествах, которые в совокупности представляют способность людей к сознательному воздействию на объективные условия их жизни. Субъективность неразрывно связана с сознанием, но ее сущность вовсе не в сознании. Основоположники марксизма в противоположность идеализму подчеркивали, что именно активное отношение к окружающему, творческая сила, проявляемая в производственной и революционной практике, составляет основу субъективного как человеческого.

Субъектом прогрессивного движения общества выступают народные массы. Именно массовые действия в состоянии обеспечить поступательное развитие различных сторон общественной жизни.

Идея вечного мира – завершающее звено философии Канта. Что бы ни писал Кант об обществе, его рассуждения неизбежно заканчиваются постановкой вопроса об устранении войн. «Метафизика нравов» не составляет исключения. По сравнению с трактатом «К вечному миру» здесь, правда, есть одна существенная поправка. Там речь шла о всеобщем мире как цели «практически достижимой». Здесь Кант менее оптимистичен. «... Вечный мир (конечная цель всего международного права) есть, разумеется, неосуществимая идея. Но политические принципы, нацелены не на то, чтобы вступить в такие [международные] связи, которые слу-

---

¹ Николаева Л.В. Типы социального прогресса. М.: Издательство Московского университета, 1967. С. 7.

жили бы постоянному приближению к состоянию вечного мира, вполне осуществимы»². Альтернатива всеобщего мира путем договора – вечный покой на кладбище человечества, противостественный конец всего сущего. Поэтому, как ни утопичен вечный мир, стремление к нему – императив внешней политики³.

Будучи самосознанием конкретной исторической эпохи, отражающим основные тенденции социального и культурного развития, определяющим важнейшие ее ценности и императивы, философия выступает не только как теория, объясняющая мир, но и как способ ориентации и жизнедеятельности в мире, как руководство к активному его преобразованию в соответствии с прогрессивными идеалами времени. Именно поэтому исследование в социально-философском ракурсе военного прогресса дает возможность проанализировать увидеть максимально полную картину жизни общества. Основные тенденции такого развития определяются изменениями, которые происходят в жизни человеческого общества, а также условиями, создаваемыми в результате созидательной деятельности.

Как известно, прогресс и регресс всегда идут рука об руку. Какая-то часть изменений в чем-то ухудшает нынешнюю ситуацию по сравнению с предыдущей. «Сокращение объема суверенитета прерогатив государства также имеет как позитивные, так и негативные последствия. Например, большая, чем раньше, открытость границ не только обеспечивает развитие торговли, но и способствует распространению терроризма, облегчает наркотрафик. При этом баланс плюсов и минусов различен для разных стран, регионов, территорий и даже слоев общества. Отсюда неоднозначное отношение к глобализации. Недаром критики указывают на ее хаотичный и несправедливый характер, на увеличивающийся разрыв в уровнях жизни населения разных государств»⁴.

Определение понятия «военный прогресс» представляется в современных условиях в высшей степени актуальным по целому ряду причин. Любое государство с определенным политическим режимом использует достижения военного прогресса для установления, укрепления, поддержания и развития государственного строя в экономическом, социальном, идеологическом контекстах.

XX век в определенной мере обострил ощущение зависимости человека от игры мировых сил. Отсюда формируется представление об обществе как абсолютно чуждой, враждебной силе, и государственные структуры, усугубляя эти чувства, поскольку все социальные институты, включая армию, не отражают истинных чаяний конкретных людей. Именно поэтому все составляющие военного прогресса не вызывают сочувствия в массе граждан.

Во многом сходные, но далеко не однозначные позиции выражаются и участниками Римского клуба. После первых глобальных моделей и проектов, разработанных Дж. Форрестером в книге «Мировая динамика» (1971), Д.Л. Медоузом с соавторами в книге «Пределы роста» (1972), последовали глобальные модели «второго поколения» – второй проект Римского клуба «Человечество на перепутье» М. Месаровича и Э. Пестеля (1974), третий проект Римского клуба «Пересмотр международного порядка» Я. Тинбергена (1976), модель «Глобальные ограничения и новый взгляд на развитие», разработанная группой японских ученых под руководством И. Кайа (1974), латиноамериканская модель, исследующая пути решения глобальных проблем развивающимися странами и созданная под руководством А. Эрреры (1974).

Сходные идеи выражены и в выполненной по заданию ООН работе лауреата Нобелевской премии В. Леонтьева с соавторами «Будущее мировой экономики» (1976). Однако концепция, положенная в ее основу, более реалистична. Предложенная в ней глобальная модель мировой экономики включает 15 районов мира.

² Кант И. Собрание сочинений в 12 т. Т. 8. С 278.

³ Гулыга А.В. Немецкая классическая философия. 2-е изд., испр. и доп. М.: Рольф, 2001. С. 113.

⁴ Кох Л.А. О конфликте глобальных интересов и национальной безопасности в России // Военная мысль. 2011. № 6. С. 16.

Наиболее отчетливо эти тенденции проявились в пятом докладе Римскому клубу – «Цели для человечества», выполненном международным исследовательским коллективом под руководством Э. Ласло (США) (1977). В основу исследования положены выдвигаемые авторами доклада идеи «внутренних пределов глобального развития» и «революций мировой солидарности», осуществлению которой являются, по их мнению, «великим ведением нашего времени».

История свидетельствует, что революция в области идей служила мощным побудителем человеческой деятельности, – отмечается в докладе. Процесс «революции в современном сознании», стимулируемый развитием коммуникаций и технологии, рассматривается в нем как исходный момент для решения глобальных проблем. «Новый мировой порядок», соответствующий этой программе, должен наступить в результате возникновения нового глобального этоса, основанного на доверии и солидарности, новых стандартов гуманизма, которые станут нормой деятельности во всех важнейших сферах государственной деятельности.

Примером подхода к глобальным проблемам в духе «технократического оптимизма» может служить книга Г. Кана, У. Брауна и Л. Мертеля «Следующие 200 лет. Сценарий для Америки и всего мира», изданная в Нью-Йорке в 1976 г. Г. Кан и его соавторы отвергают различные теории, предрекающие человечеству крайне мрачное будущее, им чужды пессимистические настроения по поводу перспектив экономического, технического и прочего развития. Напротив, они полны веры в будущее, которое, по их мнению, обеспечивается исключительно научно-техническим прогрессом и экономическим развитием и приведет все страны к «супер»– и «постиндустриальным» обществом. Авангардную роль призваны якобы сыграть здесь США.

По мнению Ф. Фукуямы, теория прогресса философски осмысляет проявление человеческого зла с отсталостью, неразвитостью. В качестве доказательства исследователь приводит СССР и сталинизм, который возник в отсталой стране, известной своим деспотическим (тоталитарным) политическим режимом в первой половине XX века. Однако Ф. Фукуяма отмечает, что в Германии, стране с отлично развитой промышленной экономикой и одним из самых культурных и образованных народов в мире, примерно в том же историческом промежутке имел место фашизм. Автор не проводит сравнительного анализа советского и германского обществ, тем не менее, важнейший тезис о пагубности одностороннего использования результатов НТП (который является одним из основополагающих в нашем исследовании) Ф. Фукуяма сформулировал следующим образом: опыт двадцатого столетия ставит под сомнение заявления о конечной точке развития общества посредством прогресса только на основе науки и техники. Способность технического прогресса улучшать людям жизнь не может быть обособлена от параллельного морального прогресса человека⁵.

Х. Ортега полагал, что «всякое общество – это динамичное единство двух факторов, меньшинства и массы. Меньшинство – это личности или группы личностей особого, специального достоинства. Масса – это множество людей без особых достоинств. Это совсем не то же самое, что рабочие, пролетариат. Масса – это средний, заурядный человек»⁶. Общественное развитие должны направлять люди элиты, носители культурных традиций, идей, а предназначение массы – подчиняться влиянию других. Во многом эта позиция объяснялась тем фактом, что в Европе на рубеже XIX и XX в. разрушились связи поколений, ослабла сила традиционных культурных регуляторов общества. В то же время общественное производство создало комфорт, стандартизированный труд, уверенность в своих силах у масс людей, демократия расширила их возможности влиять на общественную жизнь. В этих условиях и произошло резкое возрастание влияния среднего человека массы на всю жизнь общества, «восстание масс». Но трагедия, по мнению Х. Ортеги, заключается в том, что у человека массы при наличии огром-

⁵ Фукуяма Ф. Конец истории и последний человек. М.: АСТ, 2004. С. 33–34.

⁶ Ортега Х. Восстание масс. М., 1997.

ных возможностей нет и быть не может новых идей, новых культурных норм, новых традиций. «Когда все эти нормы, принципы и инстанции исчезают, исчезает и сама культура в тесном значении этого слова». Вот почему восстание масс саморазрушительно, что подтвердил, по мнению Х. Ортега, революционный опыт России. В данном контексте военный прогресс во многом противоречит стихийному движению масс, которое часто выступает как неконтролируемое.

Ученые по-разному трактовали сущность военного прогресса в контексте мировой истории. По Кондорсе, мировая история раскрывается как история человеческого разума, если ее рассматривать как результат деятельности поколений, т.е. масс индивидов, сосуществующих локально в пространстве. Дидро продолжает это направление. В целом Кондорсе и Дидро объединяет то, что начало истории они видят в человеке первобытном, неразвитом, но уже наделенном разумом. Прямо противоположный в этом отношении подход, ведущий к так называемому метафизическому романтизму, намечается в работах Ж.-Ж. Руссо и Д. Юма. В частности, Руссо идее безграничного прогресса противопоставляет тезис: «Все выходит хорошим из рук Творца, все вырождается в руках человека». Этим тезисом он намечает жесткое разграничение между научно-техническим прогрессом и моральной личностью, между «культурой» и «цивилизацией» (в терминах Шпенглера). У истоков истории он помещает не «разумного, но невежественного дикаря», а «естественного человека», не имеющего никаких стимулов к самосовершенствованию. В итоге смена поколений перестает у него рассматриваться как процессия этапов прогресса. В то же время, противопоставляя «человеку естественному» искусственного «цивилизованного человека», он переосмысливает и функцию преемственности поколений: ее задача не аккумуляция культурных достижений человечества для дальнейшего их развития, а искусство поддержания человека в цивилизованном состоянии.

Неоднозначность поведения политических элит, использующих достижения военного прогресса, рассматривается в работах М.С. Восленского, М. Джиласа, Р. Миллса, Р. Пайпса, Д. Пристланда. Современный социально-философский анализ военного прогресса с позиций анализа элементов политического развития представлен в трудах зарубежных и отечественных ученых: Г. Алмонда, Д. Истона, М. Дюверже, Ж.-Л. Кермонна, Р. Арона, Ф. Шаброва, В.Г. Яковлева, Э. Фромма, С. Хантингтона и др.

Актуальными представляются исследования неомарксистов, например, представителей «Франкфуртской школы»: Т. Адорно, Г. Маркузе, Ю. Хабермаса, М. Хоркхаймера, критиковавших использование результатов НТП тоталитарными и авторитарными режимами. Противоположной точке зрения, рассматривающей положительные стороны технократических режимов, посвящены исследования Д. Бернхэма, А.А. Кокошина, Д. Пристланда, М. Уолкера, Х. Шельски.

Особенности военного прогресса в ведущих странах, например, в Германии, освещается А. Буллоком, Ж. Деларю, Д.М. Проэктором, П.Ю. Рахшмиром, Р. Эвансом. Особенности военного прогресса в США рассматривается З. Бжезинским, А. Токвилем, Ф. Фукуямой, а основательная критика милитаристской направленности США прослеживается в трудах Дж. Гэлбрейта, М. Паренти, Э. Тодда, А.И. Уткина, В. Хартунга. Особенности и перспективам военного прогресса в КНР уделяют внимание Ф.М. Бурлацкий, А.А. Жемчугов, И.А. Малевич, Д. Пристланд, В.Я. Сидихменов, Ф. Шорт.

Сущностным характеристикам технического прогресса посвящены работы Ф. Дессауера, Э. Каппа, Л. Мамфорда, Э. Тоффлера, Т. Уокера, Н.В. Устрялова, О. Шпенглера, М. Хайдеггера, П. Энгельмейера.

Среди данных исследований максимальное внимание уделялось тем ученым, которые оставили значительный след в исследованиях по философии истории, где проблема общественного прогресса занимала ведущее место: Р.Дж. Коллингвуд, Б. Кроче, А. Дж. Тойнби, Э. Трельч, Л. Февр, Ф. Фукуяма, О. Шпенглер, М. Элиаде, К. Ясперс и другие. Вполне есте-

ственно, что ими в той или иной степени затрагивались и вопросы, связанные с военным прогрессом.

Пессимизм, неверие в прогресс сказывается в утверждениях, что человечество погибнет из-за чрезмерного техницизма.

Основной принцип, которого придерживается А. Тойнби, состоит в отрицании того, что цивилизованное общество может рассматриваться как единый прогрессивный процесс. Такое представление он считает заблуждением. Реальна, по его мнению, история отдельных, замкнутых и независимых друг от друга цивилизаций, которых он насчитывает 21, и которые вовсе не представляют ступеней единой человеческой истории.

Отечественные исследования социального прогресса основываются на диалектической традиции, которая развивает лучшие тенденции в социальных науках Запада и противостоит метафизическим и постметафизическим тенденциям, захлестнувшим зарубежные школы. Для них характерно для основных направления: либо историческое бытие сворачивается к единственному событию сохранения и воспроизводства тотальности (постистория Гегеля), либо исполняется полноценная коллективная регенерация исторической энергии неименованного (Хайдеггер). Коллективность, сотканная из мобилизаций неименованного – предельная модуляция исторического опыта, в который ряд перспектив (которые уже невозможно отличить от ретроспективы) закрывается. Открываются другие⁷.

Именно поэтому лучшие представители отечественной философии пытаются возродить традиционный диалектический подход при исследовании военного прогресса (как и прогресса вообще).

В социальной философии высказывались различные мнения по поводу причин качественных изменений в обществе. Одни связывали их с изменением природных основ социальной жизни (Ш. Монтескье, В. Вернадский, Л. Гумилев), другие искали причины в изменениях экономики, орудий труда, методах организации производства (К. Маркс, У. Ростоу), третьи связывали процесс социального развития с изменениями в культурной жизни, системе духовных ценностей (Г. Гегель, О. Конт, П. Сорокин).

Принципиальное значение имеют работы, авторы которых исследуют военный прогресс в неразрывной связи с проблемами общечеловеческого развития. Такой подход нашел свое отражение в различных философских направлениях: нравственном (П.В. Симонов), религиозном (С.Б. Токарева), культурологическом (М.С. Каган), аксиологическом (Л.П. Буева), и др.

Важно анализировать особенности взглядов представителей «русского космизма», «евразийства», а также обращаться к некоторым идеям «славянофилов», где идея прогресса рассматривается именно в русской, созидательной, традиции (В.И. Вернадский, Н.Я. Данилевский, С.Н. Трубецкой, Г.В. Вернадский, Л.Н. Гумилев и др.)

Необходимо отметить, что изучением различных аспектов социального прогресса и национальной безопасности занимаются многие отечественные и зарубежные ученые. Социальным факторам, влияющим на методологию исследования военного прогресса, посвящены работы А.А. Богданова, Н.А. Бердяева, Р.Ю. Виппера, Л.П. Карсавина, А.С. Лаппо-Данилевского, Г.В. Плеханова, П.А. Сорокина, С.Л. Франка, В.Ф. Эрна и др.

В исследовании проблем социального прогресса можно выделить несколько подходов и в их числе: гносеологический – В.П. Кохановский, А.И. Ракитов, А.К. Уледов; аксиологический – А.Л. Андреев, М.А. Барг, А.В. Гулыга, Ю.А. Левада; социологический – Л.М. Дробилева, А.М. Коршунов, А.А. Овсянников, представители которого акцентируют внимание на социальной значимости тех или иных проявлений общественной практики. Для отечественной школы является характерным оценка прогресса с позиций его обусловленности историче-

---

⁷ Куксо К.А. Фигуры народа: генеалогия исторического агента // Credo new. 2006. № 2 (46). С. 52.

ским сознанием и самосознанием как основу и механизм преемственности, как средство историко-культурной идентичности.

Теоретическая проблема прогресса человеческой истории отражает самые острые вопросы современности. Она прежде всего должна решить, имеет ли человечество единую линию развития и показать, во что должны вылиться противоречия, раздирающие сейчас. По мнению Т.В. Панфиловой, всемирная история обретает человеческое содержание только в том случае, если реализуется гуманистическая тенденция⁸. Тем не менее, потребность в военном прогрессе остается актуальной.

Представляется целесообразным дать определение военного прогресса. Военный прогресс – направление развития, характеризующееся переходом армии и сопутствующих ее структур от низшего в высшему, от менее совершенного к более совершенному. Прогресс характеризует армию как систему в ее целом, так и состояние отдельных ее элементов. В данной связи необходимо: 1) изложение основных проблем теоретического описания общественного развития; 2) формирование понятийных средств, пригодных для построения теоретической схемы военного прогресса.

Большинство категорий диалектики имеют «парный» характер, поскольку объективная действительность противоречива, а категории – это отражение действительности. Категории, находящиеся в одной «паре» взаимно предполагают и исключают друг друга в различных отношениях, поскольку они являются полюсами диалектического противоречия.

Общество – это многокомпонентная система, и в реальной его жизни сам процесс развития противоречив, соответственно, противоречиво и направление его пути направленности. Это значит, что в реальной жизни каждого общества может быть рывок (прогресс) в одних сферах общества (например, технический прогресс) и отставание или даже регресс в других (например, в сфере духовной жизни). Все это довольно несложно определить в каждом отдельном случае (для какой-то конкретной сферы жизнедеятельности на определенном отрезке времени и определенных пространственных границах), если соотносится выдвинутая цель развития и реальная ситуация в движении к этой цели. Такое понимание прогресса, что по сути есть арифметическая сумма прогрессов в различных сферах общественной жизни, не требует какой-то общей шкалы измерений (единого критерия). Однако практически очень сложно определить прогресс для исторического развития общества в целом. Для того чтобы раскрыть интегральную природу общественного прогресса, необходим общий критерий, с помощью которого можно было бы показать, что человеческая история неуклонно следует по пути прогресса. Однако содержание основных определений, характеризующих развитие общества, зависит от типа общества.

Правомерно говорить о военном прогрессе, который осуществляется в двух взаимообусловленных формах: эволюционной и революционной. *Эволюционная* форма подразумевает:

- частичное совершенствование существующих военных разработок;
- сравнительно медленное поступательное внедрение новых образцов оружия;
- сравнительно медленное поступательное совершенствование традиционных основ военной техники;
- медленные изменения в военной стратегии и тактике.

Революционная форма военного прогресса протекает в виде научно-технической революции (НТР), которая порождает принципиально новую технику и технологию, вызывает коренное преобразование в военной стратегии и тактике.

Пути взаимодействия научной и военной сфер общества исследуются такими специалистами, как В.В. Борисенко, Е.Н. Стариков, А.В. Кольцов, Д. Холловэй.

---

⁸ Панфилова Т.В. Проблема смысла истории // Вопросы философии. 2006. № 12. С. 20.

Значительная роль отводится анализу исторической динамики социальных институтов, способствующих военному прогрессу, характерному для конкретной страны в тот или иной период в контексте трудов Р. Арона, А. Безансона, А. Валицкого, В.Я. Гельмана, Р.А. Медведева, Дж. Хоскинга.

Системный анализ взаимозависимости политического режима, научно-технического и военного прогресса изложен в трудах К. Маркса, Ф. Энгельса, В.И. Ленина. С адекватным анализом военного прогресса на фоне конвергенции политических режимов, разработками социально-философских прогнозов будущего техногенного развития человечества связан интерес к трудам Ж.И. Алферова, И. Валлерстайна, Дж. Гэлбрейта, С.П. Капицы, А.Д. Сахарова, Э. Хобсбаума.

Среди данных исследований максимальное внимание уделялось тем ученым, которые оставили значительный след в исследованиях по проблемам общественного прогресса: Р.Дж. Коллингвуд, Б. Кроче, А. Дж. Тойнби, Э. Трельч, Л. Февр, Ф. Фукуяма, О. Шпенглер, М. Элиаде, К. Ясперс и другие.

Были проанализированы ряд работ российских философов, которые занимались проблемами социального прогресса: Л.П. Карсавин, Н.О. Лос-ский, Н.А. Бердяев, А.Н. Ерыгин, В.В. Зеньковский, А.Ф. Лосев, П.А. Сорокин, И.А. Ильин и др. К примеру, В.В. Мелешкин раскрывает место и роль прогресса в системе современных общественных отношений, уделив особое внимание изучению отношения общественного сознания к общественному бытию, единства исторического сознания, общественной идеологии и общественной психологии. Н.В. Устрялов отмечает: «Прогресс есть развитие к лучшему, совершенствование. Но для того, чтобы знать, что такое совершенствование, нужно знать, что такое совершенство. Прогресс по самой природе своей есть понятие, выражающее некие системные потребности: он принадлежит идеалу, он обусловлен целью. "Развиваться" свойственно не только "добру", но и "злу". Следовательно, без осознания этих основных этических категорий теория прогресса обойтись не может»⁹.

Вопрос о сущности прогресса, его роли в жизни общества актуален и в рамках данного исследования. Проще оценивать статичные точки и периоды, ограничивая анализ явлений одной исторической парадигмой, отрицая проблему прогресса как улучшения, совершенствования, хотя в этом случае однозначно определить «правильное» или «неправильное» направление прогресса не получится. Необходимо вычленять сильные и слабые стороны взаимоотношений политики, науки и техники.

Само понятие прогресса появилось с исторической точки зрения совсем недавно, лишь в середине XVIII века. В любом случае периоды упадка и регресса в военном прогрессе не менее обширны, чем периоды взлёта и социального прогресса.

В обществоведческой литературе встречаются два теоретических подхода к исследованию и периодизации социального прогресса.

К первому направлению относятся ученые, склонные исследовать социальный прогресс с позиций рационализма. Как правило, они руководствуются упрощенно трактуемым принципом веберовской «понимающей социологии» – «человек сам знает, чего он хочет» и доверяются сознанию эпохи, господствующим стереотипам и принимают на веру ее самохарактеристики, отыскивая в них рациональный смысл. Именно таким путем идет в настоящее время, пожалуй, большинство авторов, пишущих на современные темы, причем не только публицистов, но и теоретиков.

Второе направление представляют ученые, которые склонны рассматривать социальный прогресс как стихийное явление, не поддающееся рациональному объяснению. Часто авторы приходят к выводу, что кризис переживает сама теория прогресса, порожденная западной наукой и воспринятая мировой общественной мыслью как основная, в отличие от теории разви-

---

⁹ Устрялов Н.В. Проблема прогресса. М., 1988. С. 2–3.

тия, обоснованной в русской и восточных философских системах. Теория прогресса исходит из принципа изменения, а теория развития – из принципа усложнения социальных явлений, включая духовные основания индивида и общества. Сегодня мир осознает, что отказ от культуры в ее духовном измерении, ее превращение из основы нравственного сдерживания технического прогресса в контр- или антикультуру, оправдывающую философию общества потребления с неограниченной свободой самовыражения биологического в человеке, ведет к взаимному истреблению человека, природы и цивилизаций. Это ставит актуальные задачи выявления специфики цивилизаций, различные интересы которых порождают геополитические коллизии XXI века, усложняющиеся пределами экстенсивного промышленного и земного освоения земного пространства из-за фактического совпадения гео- и техносферы¹⁰.

В настоящее время существует три точки зрения на процесс развития общества в целом:

- 1) идея регрессивного развития (начиная с античной Греции);
- 2) идея прогрессивного развития (марксизм);
- 3) идея циклического развития (П. Сорокин, О. Шпенглер, А. Тойнби).

Однако все едины в том, что научно-техническое равенство социума имеет прогрессивную направленность. Современное общественное развитие детерминировано развитием техники. Парадокс состоит лишь в том, что хотя развитие техники прогрессивно, то развитие общества не всегда можно назвать также прогрессивным»¹¹.

Анализируя военный прогресс как часть общечеловеческого прогресса, важно учитывать социальные перемены XX в. В социальной области можно отметить три важнейших фактора.

Во-первых, в XX в. вектор социального развития все более смещается от социально-классовых общностей, обладавших огромной социально-регулятивной силой, к более динамичным микросоциальным общностям. Кроме того, степень индивидуально-личностного выбора человеком социальной общности, наиболее близкой и комфортной для него, возросла. Именно попытка сохранения потребительского образа жизни является оправданием для удержания военного прогресса на определенном уровне.

Во-вторых, XX в. с точки зрения социальной эволюции представляет картину противоречивую, поскольку:

А) одни социальности укрепились и расцвели, другие – сходят с исторической арены;

Б) одни социальные противоречия явно смягчаются (классовые), другие – ожесточаются (национальные).

Указанные факторы во многом являются детерминантами, которые стимулируют военный прогресс современности.

Военный прогресс несет в себе все черты социального прогресса, однако обладает и рядом специфических особенностей.

Во-первых, исследователи вынуждены учитывать амбивалентность самого понятия «военный прогресс», что детерминировано традиционными представлениями о прогрессе как однозначно положительном, однолинейном процессе, в то время как «война» ассоциируется с регрессом.

Во-вторых, неоднозначность понятия «военный прогресс» связана также с его сложной структурой, где, с одной стороны, принципиальную роль играет техническая составляющая, а, с другой, – гуманитарная (боевой дух армии, патриотизм и т.п.).

В-третьих, независимо от субъектов военного прогресса, он всегда носит волнообразный характер, поскольку конечной целью его является победа, а она, как известно, переменчива.

---

¹⁰ Марцева Л.М. Особенности хозяйственного освоения пространственно-временных границ российской цивилизации (Опыт сопоставления) // Теория и история. 2002. №1. С. 17.

¹¹ Байдаров Е.У. Роль техники в культурно-цивилизационном развитии социума (в аспекте эволюционно-детерминистской глобалистики) // Кредо. 2009. № 4 (60). С. 100.

В-четвертых, военный прогресс часто не совсем правомерно ассоциируется с научно-техническим прогрессом, поскольку ведущие открытия, как правило, создавались и испытывались вначале в военной области.

Военная наука, представляя собой равноправную часть общей науки, является специфической сферой человеческой деятельности. Тем не менее, как любая целенаправленная деятельность, она осуществляется определенным субъектом и включает цель, средства, сам процесс ее осуществления и результат. Особенность военной науки заключается в том, что она изучает, стратегический характер и закономерности войны, строительство и подготовку вооруженных сил и страны к войне и способы ведения вооруженной борьбы.

С учетом этого возможные направления развития содержания и структуры военной науки должны учитывать необходимость выявления и систематизации научных знаний применительно именно к указанным элементам человеческой и, в том числе, военной деятельности. Это позволяет говорить, что в процессе научного познания, имеющего сегодня глобальный характер, наибольшее развитие получают именно те элементы военной науки, которые отражают структуру познаваемого объективного предмета. Правомерно утверждать, что военная наука включает систему знаний о категориях, законах, закономерностях, принципах, содержании, формах и методах подготовки и ведения вооруженной борьбы, составной части войны в целом. В таком сложном явлении как война существуют три группы объективных явлений, которые изучает военная наука:

Первая группа явлений – это общие основы учения о войне и армии, их место в общей системе других общественных явлений, то есть философские основы войны и армии.

Вторую группу явлений, которая является главной спецификой войны, составляет вооруженная закономерностями методами исследования. Законы, закономерности, формы исследования вооруженной борьбы, познанные и применяемые военной наукой, учитываются социально-гуманитарными науками в интересах исследования общих законов и закономерностей войны и военного дела, при выработке военно-политических концепций и взглядов на доктрину, а естественными и техническими науками – для развития своих военных разделов и отраслей.

Дискуссии и рассуждения по проблемам системы военно-научных знаний, структуры и функций военной и других наук, исследующих современную войну и армию, продолжают практически весь последний современный период.

Известные политологи, философы и военные учены, такие, как генерал армии М.А. Гареев, С.А. Тюшкевич, В.А. Виноградов, В.Д. Рябчук, Б.Ф. Сингаевский, М.А. Борчев и многие другие, продолжают с разных позиций рассматривать и исследовать содержание, структуру системы знаний военной науки, изучать ее объект и предмет на новом этапе развития теоретической мысли. В дискуссионных статьях авторы на основе богатого личного опыта дают свое видение определения объекта и предмета исследования военной науки.

Важный аспект исследования военного прогресса как важной части социального прогресса состоит в том, что закономерности развития всякого общества объективны и основаны на развертывании в ходе истории его позитивного социального потенциала, определенность которого характеризуется в качестве коллективистской или же индивидуалистической. Данный процесс не зависит от чьих-либо политических или иных «замыслов». Жизнеспособность общества самостоятельно находит возможность возвращения к своей определенности посредством изживания негативных внешних воздействий и внутренних очагов социальной энтропии¹², – отмечает В.Ю. Кузнецов.

---

¹² Григоренко Д.Е. Аграрные реформы П.А. Столыпина в контексте современного социального мифотворчества // Вопросы философии. 2007. № 1. С. 69.

Военный прогресс так или иначе связан с кризисными состояниями общества, когда наиболее ярко проявляется, в частности, общество риска. Под обществом риска (У. Бек, Н. Луман, Э. Гидденс) понимается особый тип организации современных обществ с высоким уровнем сложности и неопределенности общественных процессов, социокультурных структур, вызванных распространением компьютерных технологий и достижений постиндустриальной культуры¹³. Современное общества риска – это мир, полный парадоксов нелинейного развития постиндустриальной цивилизации¹⁴, а России – общество всеобщего риска¹⁵.

Руководитель саратовской школы социальной рискологии В.Б. Устьянцев, заменяя понятие «общество риска» понятием «рискогенного общества» в России, отмечает, что последнее понятие отражает природу рисков как состояний конкретных общественных ситуаций¹⁶. Россия оказывается устойчивой рискогенной территорией, которая порождает «системные риски».

Справедливым видится замечание В.И. Стрельченко: «Вот уже в течение более чем 300 лет, несмотря на активное сопротивление природного антропологического и социального «материала», опираясь на убеждение в открытости истины «естественному свету разума», народы Европы практически реализуют замыслы о «природе человека», «естественном праве», «договорном происхождении общества и государства», «природосообразности воспитания» и др.»¹⁷.

Исследование понятия «военный прогресс» осуществляется на базе содержания понятия «прогресс», однако изучение военного прогресса предполагает выделение нескольких ведущих направлений.

Представляют интерес работы, которые стоят на стыке различных научных направлений. Это связано со спецификой исследования, в котором ставятся и предпринимаются попытки решения комплекса проблем, имеющих отношение не только к особенностям военного прогресса, но и затрагивают широкий круг социально-философской проблематики.

При исследовании военного прогресса важно учитывать общие тенденции развития человечества. В современном глобальном мире особо актуально звучат слова выдающегося русского философа Павла Ивановича Новгородцева, написанные им в книге «Об общественном идеале»: «Общественный прогресс не устраивает собственных задач личности, как и наоборот, внутренняя жизнь личности не исключает путей общественного прогресса. И личное творчество, и общественное созидание находят свой истинный смысл в стремлении к абсолютному идеалу. Это стремление становится их высшим светом, дает им твердую почву и опору. И для того, кто принял в свое мировоззрение этот высший свет, не страшны ни шум безбрежного моря, ни мрак надвигающейся ночи»¹⁸. П.И. Новгородцев отмечал, что философы XVIII–XIX вв. сходились в общем ожидании грядущего земного рая. Они были убеждены:

1) что человечество, по крайней мере в избранной своей части, приближается к заключительной и блаженной поре своего существования;

2) что они знают то разрешительное слово, ту спасительную истину, которая приведет людей к этому высшему и последнему пределу истории»¹⁹.

¹³ Устьянцев В.Б. Предмет, категориальные ряды и концепции социальной рискологии // Общество риска: стратегии управления и альтернативные стили мышления / под ред. В.Б. Устьянцева, М.О. Олова. Саратов: Наука, 2009. С. 14.

¹⁴ Кара-Мурза С.Г. Катастрофы, хаос, развитие. М.: Смес, 1998. С. 41.

¹⁵ Яницкий О.Н. Россия как общество всеобщего риска [Электронный ресурс] URL: ecsocman.lise.ru/data/853/685/1219/019_yanit_ski.pdf

¹⁶ Устьянцев В.Б. Человек, жизненное пространство, риски: ценностный и институциональный аспекты. Саратов: Изд-во Сарат. ун-та, 2006.

¹⁷ Стрельченко В.И. Рациональность и гуманистические идеалы образования / Credo. 2006 № 1. С. 158.

¹⁸ Новгородцев П.И. Об общественном идеале. М.: Пресса, 1991. С. 166.

¹⁹ Там же. С. 23.

Нельзя не упомянуть целый ряд серьезных исследователей новой волны, которые основательно изучают процессы, происходящие в различных «секторах» социального пространства, в той или иной мере затрагивая вопросы, связанные с военным прогрессом. В частности, о ситуации и в области демографии (В. Тишков), об исследовании так называемой политической элиты (О. Крыштановская), о проблемах коррупции (Г. Сатаров), о состоянии общественного мнения (Ю. Левада, Е. Башкирова), о социальных изменениях в конкретных сферах (М. Горшков), о российском социально-политическом процессе (А.С. Панарин) и др.

Другой известный ученый Ю. Хабермас пытается сочетать универалистскую теорию с идеей ее социально-исторической обусловленности. Он отказывается от внеисторичности коммуникации и признает возникновение предпосылок коммуникативного действия в определенный исторический период (эпоха модерна), в отличие от признания К.-О. Апелем внеисторической идеи универсально значимой языковой компетенции²⁰.

Большое значение имел анализ исследований российских ученых, акцентировавших свое внимание на проблемах философии истории. В первую очередь был проанализирован ряд работ российских философов, которые занимались проблемами прогресса: Л.П. Карсавин, И.О. Лосский, Н.А. Бердяев, А.Н. Ерыгин, В.В. Зеньковский, А.Ф. Лосев, П.А. Сорокин, И.А. Ильин и др. Значительную роль в раскрытии сущности социального прогресса во всех ее проявлениях сыграли работы известных современных философов таких, как Э.М. Чудинов, В.С. Шмаков, Т.И. Ойзерман, М.А. Барг, Е.Б. Черняк, В.И. Павлов, Ю.И. Семенов, Н.М. Смирнова, Л.И. Новикова, И.Н. Си-земская и др.

Можно в данной связи отметить губительность военной техники для общества, которую видели ученые: она (техника) в случае несоответствия экономических и нравственных возможностей человека уничтожает системы норм, базирующиеся на традиционной нравственности людей. Например, атомная бомбардировка японских городов Хиросима и Нагасаки являлась не только индикатором технической мощи США, но и показателем несогласованности экономического и политического потенциалов Японии на протяжении Второй мировой войны.

Если следуют размышления о военном прогрессе как части социального прогресса, то в большинстве случаев речь идет не об этой направленности к большему совершенству, а о конструировании на этой почве некоторого абсолютного пика прогресса и рассмотрении всей истории человечества сквозь такую призму. Надо признать, что в истории философии, социологии, в философии истории, социологии и других ветвей историко-гуманитарного знания было немало попыток найти и указать некую вершину, которая нередко отождествляется либо с эпохой жизни философа, либо с определенными перспективами. В частности, коммунистическая формация и является такой вершиной истории, ведь, соответственно, данной методологической установке вся предыдущая жизнь оценивается как прелюдия к ней, ее подготовка.

Одним из наиболее явных характеристик военного прогресса являются мировые войны. К сожалению, войны сопровождают всю историю человечества. С 3500 г. до н.э. лишь 292 года человечество жило без войны. В остальное время бушевали 14 тыс. 530 войн. Разные это были войны по своим масштабам и длительности. Но бесспорно, что в XX в. социальная масштабность войн поднялась на порядок выше, они захватили целые континенты, десятки стран, миллионы людей. В первой мировой войне участвовало 38 государств. Во второй мировой войне участвовало 61 государство, 80 % всего населения Земли. Так что сомнительной славой изобретения мировых войн как всеобщих потрясений общественных отношений человечество обязано именно XX в.

Всегда и везде войны выступали как трагедия человечества, всегда и везде они были связаны с человеческими жертвами. В XVII в. в войнах погибло 3,3 млн чел. В XVIII в. – 5,5

²⁰ Демина Н.А. Предпосылки постметафизического мышления и коммуникативное общество // Теория и история. 2004. № 3. С. 153.

млн чел., в XIX – 16 млн. «Рекордсменом» в этом отношении оказался XX в. Только первая и вторая мировые войны «стоили» человечеству 60 млн человеческих жизней. Важно при этом отметить, что в числе потерь стремительно возрастает число жертв из числа мирных жителей. Если в первой мировой войне военных погибло в 20 раз больше, чем мирных жителей, то во второй – их число сравнялось. В войне в Корее (1950–1953) было 5-кратное превышение гибели гражданского населения над потерями военных. Вьетнамская война ознаменовалась уже 20-кратным превышением.

Целесообразно при исследовании военного прогресса основываться на разработке системных принципов развития универсального сообщества в государственной системе учитывать их диалектическое единство и противоположность, переход количества в качество и при этом руководствоваться законами, закономерностями глобалистической науки (гуманитарной, естественной и технической сфер). Закономерность развития цивилизованного интегрированного универсального общества в измерениях времени, пространства и на разных уровнях глобалы и специфичны.

Важным фактором, актуализирующим проблему военного прогресса, является также то, что все больше фактов ставят под сомнение прогрессивное развитие человечества как однозначное. Во многих концепциях войны соответственно рассматриваются как естественные и неизбежные социальные явления. К временному миру и порядку, по их мнению, человечество может вывести лишь политическая и государственная власть, способная противостоять слепым и разрушительным импульсам народа.

Однако вопрос о военном прогрессе – это не только проблема войны и мира, при всей ее безусловной первоочередности. Необычайные задачи и трудности нашего времени с особой остротой ставят вопрос о месте и роли человека в современных свершениях, о его ответственности за судьбы человечества, о возросшей роли субъективного фактора в истории. Свое право на дальнейшее существование человечество завоевывало в тяжелой борьбе, в которой люди действовали не просто как слепые орудия исторической необходимости, а как свободные и творческие существа, сознательно преследующие конкретные цели и идеалы. В наши дни эта зависимость исторического развития, его характера и результатов от актуального и конкретного творчества людей приобретает исключительно большое, решающее значение, определяя в значительной степени уровень военного прогресса.

Понимание роли военного прогресса в решении судеб человечества – важнейшее условие современного развития. Для решения насущных проблем человечества – проблем мира, социального и духовно-нравственного обеспечения современного научно-технического развития – недостаточно одного осознания, нужны еще и соответствующие социальная организация и система международных отношений, в которые могла бы реализовать творческая активность людей.

Всеобщий мир может быть сохранен и утвержден лишь благодаря возрастающему взаимопониманию, согласию и единству человечества. Разобщенное в своем историческом движении человечество не может жить в мире и предполагает определенный уровень военного прогресса.

В XXI веке судьба человечества во многом зависит от особенностей научно-технического прогресса, принципиальной составляющей которого является также военный прогресс. Тем не менее военный прогресс определяется не только и, может быть, не столько научно-техническими элементами, представляя собой более широкое понятие, которое включает, в частности, такие социально-философские категории, как «служение Отечеству», «боевой дух» и т.п. В связи с этим, вопрос об уровне военном прогрессе не имеет однозначной оценки и должен решаться, исходя из конкретно-исторических особенностей, что также во многом связано с уровнем общественного прогресса.

Однако в условиях XXI века, проблемы военного прогресса видятся более глобально, нежели в XX веке, поскольку генерировать прогрессивные идеи, аккумулируя интеллектуальный капитал, уже под силу и малым государствам. Рост взаимозависимости между различными регионами и странами проявляется в виде все возрастающего воздействия на социальную действительность отдельных стран различных факторов международного значения: экономических и политических связей, культурного и информационного обмена.

При детальном рассмотрении прогресса человечества в целом на первый план выходит поступательное ускорение развития. Исходя из данных о хронологической продолжительности последовательно сменяющих друг друга эпох, обнаруживающей ускорение ритма истории, и следует рассматривать проблему военного прогресса в обществе. В частности, развитие военной техники сопровождало человека практически с момента его появления в природе и со временем развитие переросло в конкретизированный «технический прогресс», а затем и в «научно-технический», пройдя путь восхождения «от простого – к сложному». Преувеличением будет отождествлять технический прогресс с общественным прогрессом, измеряя последний количеством выпущенной бытовой техники, поскольку это является неправомерным распространением одной отдельно взятой стороны явления на все явление в целом.

Научный подход выводит на первый план вопрос о том, существует ли на сегодняшний день реальный прогресс, единство которого обеспечивалось бы человеческой деятельностью. Если признать, что всемирно-исторический процесс складывается естественно исторически и не нуждается во внеисторической силе для поддержания своего единства, встанет вопрос о его человеческом содержании и смысле: существует ли всемирно-исторический субъект, для которого была бы значима всемирная история в ее целостности. В этом случае проблема общественного прогресса превращается в проблему гуманизации всемирно-исторического процесса, наполнения его человеческим содержанием, и отпадает надобность искать смысл в заоблачных далях.

Неадекватная оценка военного прогресса связана также с тем, что линейно-прогрессивная схема общественного прогресса, принятая в западной системе ценностей часто не выдерживает критики, если учесть неоднозначность военного прогресса. Это связано со следующими обстоятельствами.

Во-первых, революционная смена социально-экономических формаций как результат перехода количественных показателей накопившейся энтропии в новое качество, предполагает определенный уровень военного прогресса, независимо от того, происходило ли реальное военное вмешательство.

Во-вторых, помимо институционального переворота, который может быть спонтанным, революционные преобразования, как правило, растягиваются во времени, когда многое решает именно определенный уровень военного прогресса.

Мерой социального прогресса становится экономический рост, а система промышленного производства теперь определяет общественное устройство. Общество и личность представляются в терминах и категориях пользы, интереса, целерационального действия. В постиндустриальном обществе, где человек, его личность и культура не защищены от логики рынка и технических средств, материальные блага стали преобладать над культурными услугами. Включение общества в систему рыночных отношений глобальной экономики, развитие и внедрение информационных технологий приводит к переоценке духовных ценностей, утрате высших идеалов культуры. Ситуация, сложившаяся на сегодняшний день, показывает, что человек в повседневной жизни стал руководствоваться «престижными» ценностями, придавая второстепенное значение традициям, религиозным, нравственным и эстетическим нормам»²¹.

---

²¹ Кудашов В.И. Достоинство философа в современном мире (Субъективные заметки по поводу III Российского философского конгресса) // Теория и история. 2002. № 1. С. 93–94.

Кроме того, экономический критерий прогресса не является всеохватывающим. Таким критерием может быть общесоциологический, сущностный и общий для всех сфер общественной жизни, в частности, и для определения уровня духовности общества. Тем не менее, такой критерий может быть очень абстрактным – это сам человек, точнее, уровень развития личности. Этот критерий предусматривает высокий уровень гуманизации общества, достижения личностью социальной свободы, т.е. ликвидации вековой отчужденности между личностью и обществом (государством). На этом основании возможно определение эмпирически-конкретных факторов общественного прогресса. Определение показателей прогресса может быть прагматическим и локализованным. Например, показатели общественного прогресса могут быть дифференцированы по сферам: экономической, технической, экологической, политической, культурной и т.п. Все показатели, которые фиксируют движение общества вперед и не являются показателями регресса (упадка, деградации), могут рассматриваться как эмпирические свидетельства общественного прогресса.

Одним из основных догматов европейской цивилизации является положение о том, что искусственное, сотворенное наукой, лучше естественного, данного природой. Именно на этой основе сформулировано положение о человеке как о завоевателе природного мира. Отсюда страх перед разнообразием окружающего мира и стремление к замене эволюционно возникших способов самоорганизации природного и социального миров бюрократической организацией²². В то же время военный прогресс в коллективистском обществе является следствием гармонии природного и социального миров в своем космическом совершенстве. Таким образом, принципиальная характеристика его состоит в естественной гармонии: общественного, естественного и космического.

Понятно, что объективные условия деятельности людей постоянно расширяются, претерпевают качественные изменения, обогащаются за счет ассимиляции результатов человеческой деятельности, все вновь и вновь изменяемых, совершенствуемых и заново создаваемых предметов второй «природы», за счет очеловечивания природы естественной. Развивается производство, создаются новые производственные мощности, производственные, социально-бытовые и культурные объекты. Являясь результатом субъективного, деятельности человека, они становятся объектами для новых поколений людей, включаясь в систему детерминации их дел и поступков, их целей и намерений, их деятельности во всем ее многообразии. Исходя из этого, источник общественного прогресса – собственные потребности и интересы людей. Общественный прогресс – не только объективная, но и относительная форма развития. Противоположностью общественного прогресса является общественный регресс. Там, где не появляется возможности для развития новых потребностей и их удовлетворения, линия социального прогресса прекращается. В прошлом нередко наблюдались случаи социального регресса, гибели сложившихся ранее цивилизаций. Следовательно, социальный прогресс в мировой истории совершается зигзагообразно. Таким образом, реальная канва истории предстает как переплетение и взаимодействие двух факторов – субъективного и объективного.

Концепция естественно-исторического процесса смены общественно-экономических формаций фиксировала общие черты, присущие развитию человеческого общества, показывала единые и повторяющиеся изменения конкретных социальных организмов (стран, народов). Такого рода униформистская конструкция (линия) общественного развития, согласно которой все народы «обязаны» проходить весь этот путь в своем движении к подлинной истории человечества – коммунизму – вызывает критику ряда ученых. Они считают, что формационная теория построена с учетом достижения такого будущего состояния общества, которое по существу является утопией, что эта теория не учитывает многоликость и многовариантность общественного развития различных стран и народов, что она чрезмерно жестко привязывает

²² Зенько А.А. Цивилизация духа // Теория и история. 2007. № 2. С. 66.

изменения истории к смене форм собственности, якобы, игнорируя роль факторов культуры в этом изменении.

Говоря о военном процессе, под которым понимается деятельность отдельных людей, их групп, классов, партий и т. п. в истории, нужно указать на самую существенную особенность социального действия. Она состоит в адаптивно-адаптирующем характере деятельности человека, с помощью которой он активно изменяет среду в соответствии со своими целями и потребностями, образуя «вторую природу», мир культуры или «неорганическое тело человека». Эта искусственная среда обитания характеризует любую из историко-культурных форм, а ее создание является итогом творческого развития орудийного характера деятельности. В свою очередь, орудийная деятельность стимулирует становление и развитие сознания, придает ему целенаправленный характер в отличие от генетически определенной животной целесообразности. На этой основе формируется субъективность человека: она возможна только в процессе совместной, коллективной деятельности, когда появляются солидарность и альтруистическое поведение, которое у животных имеется только в виде предпосылки.

Важной составляющей военного прогресса в интересующем нас комплексе приоритетов техногенной цивилизации является особая ценность научной рациональности, научно-технического взгляда на мир, ибо научно-техническое отношение к миру является базисным для его преобразования. Оно создает уверенность в том, что человек способен, контролируя внешние обстоятельства, рационально-научно устроить свою жизнь, подчиняя себе природу, а затем и саму социальную жизнь. Именно это ложное представление о своем всемогуществе, характерное для субъектов глобализационного давления, формирует иллюзию безнаказанности за военные преступления, что корректирует формы военного прогресса в двадцатом веке. В частности, предпочтение отдается тем видам вооружения, которые приносят максимальный эффект, не взирая на потери среди мирного населения и т.п. Однако устойчивость подобных отношений гарантировалась, скорее, не рационально, а иррационально – русским этническим архетипом, неосознаваемой и генетически наследуемой ментальной структурой. Ведь в исторической ретроспективе слишком хорошо заметно, что эксплуатация русских этнических ресурсов превосходила все мыслимые и немыслимые размеры.

Принципиальным фактором рационализации военного прогресса является наука. Интенсификация процесса превращения науки в непосредственную производительную силу увеличивают ее значение как решающего фактора и стимулятора технического прогресса. Преобразующая роль науки не ограничивается рамками техники и технологии производственной деятельности. На научной основе решаются проблемы развития общественных отношений, движения общества к социальной однородности, формирования нового человека, подъема образования и культуры, совершенствования планирования и управления экономическими и социальными вопросами и т.д.²³

Однако четкого разделения рационального и иррационального начал в военном прогрессе не существует, поскольку он в отечественной традиции имеет диалектический базис. Постепенно в общественном продукте наряду с военной техникой стала увеличиваться доля продукции тяжелой промышленности, возобновился и начал расширяться нормальный кругооборот общественного воспроизводства, а национальный доход во все больших размерах стал направляться не только на обеспечение военных расходов, но и на увеличение накопления в народном хозяйстве. Перераспределение ресурсов в пользу военного производства, перестал играть роль главного источника военных затрат, которые теперь обеспечивались за счет созданного сложного и быстро растущего военного хозяйства, что явилось предпосылкой для подъема экономических сил страны в заключительный период войны²⁴.

²³ Марксистско-ленинская теория исторического процесса / отв. ред. Ю.К. Плетников. М.: Наука, 1987. С. 141.

²⁴ Чадаев Я.Е. Экономика СССР в годы Великой Отечественной войны (1941–1945 гг.). 2-е изд., перераб. и доп. М.:

Согласно марксистской точке зрения, способ производства не является единственным фактором, обуславливающим прогресс. Развитие, изменение способа производства есть база, определяющая прогресс общества. Но неверно сводить все только к технике: главной движущей силой исторического развития марксистской теории, выделив шесть ее основных постулатов: 1) единство исторического процесса и неизбежность прогресса; 2) объективность процесса, его независимость от воли и сознания людей; 3) стадийность этого процесса, прохождение человечеством в целом ряда «научно» установленных стадий (формаций); 4) экономоцентризм, представление о производительных силах и производственных отношениях как о движущих силах прогресса и факторах, определяющих все остальные проявления нашей жизни; 5) классовый подход к анализу всех послепервобытных обществ, преимущественное внимание к проблемам эксплуатации и любым формам протеста; 6) насилие как основной метод решения социальных проблем и основной механизм прогрессивного развития. Все эти элементы влияют и на протекание военного прогресса.

Анализ указанных работ и статей дает основание сделать следующие выводы:

1. Если проблемы, связанные с понятием «прогресс» в значительной степени поставлены и предложены пути их решения в современных условиях, то сущность военного прогресса в свете глобальных изменений последних десятилетий изучена недостаточно.

2. Неоднозначность протекания глобализационных процессов, с одной стороны, и возрастание проблемности понятий «прогресс» и «регресс» в свете решения проблем гуманизации и гуманитаризации общества, с другой, предполагает более пристальное внимание именно к проблемам, связанным с социальным прогрессом вообще и военным, в частности.

3. Требуется конкретизация и классификация проблем, связанных с военным прогрессом для более четкого определения дальнейших путей развития мирового сообщества в условиях усиливающихся универсалистских тенденций, в первую очередь глобализации, что приводит к игнорированию социокультурной самодостаточности субъектов мирового сообщества и росту военной угрозы.

4. Имеет место определенная недостаточность комплексных исследований, посвященных философскому рассмотрению глубинного взаимовлияния социального, научно-технического и военного прогресса, так как в исследованиях нередко проявляется отсутствие системного подхода, а также заметно одностороннее освещение идеологического фундамента конкретного типа общества.

Можно сделать вывод, что социально-философские аспекты военного прогресса пока не освещены в достаточной мере.

Концепции социальных изменений имеют различные формы, но в общем они также стремятся доказать, что исторические преобразования не имеют общей поступательной характеристики.

Обобщая основные подходы к определению военного прогресса, можно сделать вывод, что военный прогресс является важной и актуальной социально-философской проблемой, решение которой обеспечивает должный уровень защищенности от внутренних и внешних угроз личности, общества и государства. Кроме того, военный прогресс обладает важным праксиологическим качеством и имеет тесную связь с общечеловеческим прогрессом и общественной практикой.

Таким образом, можно заключить, что военный прогресс – это такой способ обеспечения устойчивого развития общества в условиях внешних угроз, когда они нейтрализуются военными средствами.

Существует зависимость между нарастанием военных угроз и характером военного прогресса: определенность военных угроз должна быть адекватна определенности военного прогресса, способная в необходимой мере предупредить наступление военного конфликта.

1.2. Основные типы военного прогресса

В процессе раскрытия содержания понятия «военный прогресс», выявляется специфика западной и отечественной традиции, в соответствии с концепцией о двух типах обществ: потребления и созидания. В каждом отдельном случае параметры военного прогресса задаются содержательно, посредством господствующих форм опыта и знания, получаемого на основе этого опыта, и адекватных стандартов естественности, социальности. Поэтому специфика общества определяется посредством различения стандартов естественности, духовного опыта и традиций познания.

Сущностные характеристики науки в их глубоком, категориальном выражении до сих пор не были актуализированы под специальные и масштабные исследования современных проблем философии науки.

Исследование военного прогресса имеет, на наш взгляд, две слабые стороны:

1) во-первых, они (представления) длительное время были подчинены концептуально-идеологическому противостоянию материализма идеализму и потому значительно упрощали (уводили в сторону от строгой теории) исследовательскую ситуацию в области философии науки. И этот груз теоретического прошлого сказывается на современном мышлении;

2) во-вторых, в силу стремительно усложняющихся социокультурных параметров современной науки на первый план в качестве «инновационных» предметных областей исследования вышли науковедение и методология науки. И несмотря на то, что в действительности науковедение и методология науки соответствуют всего лишь уровню бытия и уровню существования науки, они все же подменили собой подлинно философский уровень исследования науки, хотя в определенной мере и были связаны с ним»²⁵.

Теоретические философские ошибки этих концепций кроются в идеализме и метафизике. Они не рассматривают материальных основ общества, не исходят из объективных исторических законов, не анализируют существо социальных отношений. Те допущения прогресса, которые касаются каких-то периодов цивилизаций или отдельных общественных явлений сводятся ими, как правило, к развитию духовных явлений. А. Тойнби, например, в основу развития цивилизации кладет религию. Движущей силой общества не признается производственная и революционная практика народных масс. Гносеологические ошибки в такой трактовке человеческой истории заключены в непонимании диалектической связи особенного и общего в историческом развитии, в абсолютизировании специфического, свойственного отдельным народам²⁶. Естественно, что военный прогресс требует особого методологического подхода.

Для понимания сущности военной стратегии можно выделить по крайней мере два типа общества, различая традиционный и техногенный типы общества. Такое понимание оснований типов общества предполагает целый ряд следствий:

1) в той мере, в какой биологические программы не отделимы от надбиологических, тип общества невозможно произвольно изменить;

2) чем более существенную роль в жизнедеятельности общества играют биологические программы, тем более консервативным оказывается общество и тип этого общества нельзя изменить, не спровоцировав переход его от состояния нормы в вырожденное состояние;

3) чем более существенную роль в жизнедеятельности общества играют надбиологические программы, тем более чуждо оно консервативности. И попытки реализовать в нем программы консерватизма в политической и других сферах жизнедеятельности не могут спровоцировать в нем переход от состояния нормы к вырожденному состоянию общества;

---

²⁵ Князев Н.А. Философские основы проектного анализа науки // Теория и история. 2004. № 3. С. 141

²⁶ Николаева Л.В. Типы социального прогресса. М.: Издательство Московского университета, 1967. С. 19–20.

4) единство биологических и надбиологических программ не может не повлечь за собой социализации биологических программ, в свою очередь надбиологические программы не могут избежать влияния со стороны реализации биологических программ;

5) в случае, когда в совокупности программ жизнедеятельности общества доминируют надбиологические программы, влияние биологических программ на надбиологические минимизируется. В жизнедеятельности общества становится все более заметной тенденция обособления двух типов программ друг от друга;

6) когда в совокупности программ жизнедеятельности общества доминируют биологические, социализированные программы, становится заметной тенденция укрепления связи и биологических, и надбиологических программ;

7) две противоположные друг другу тенденции предполагают свои стандарты естественности: соответственно в плане первой тенденции – естественное право и естественное состояние в гоббсовском смысле – состояние вражды, война всех против всех, а в плане второй тенденции – любовь к ближнему своему, добродетельное состояние общества.

Тем не менее через идеи западников в общество созидания были привнесены основания ценностной духовности либерального и консервативного содержания. Славянофильская же аргументация об особенностях русского прогресса вообще и военного, в частности, далеко не всегда достигала цели.

Оптимальный уровень военного прогресса связан с необходимостью выработки системы правовых норм, которая предохраняла мировое сообщество от глобальных войн. Тем не менее, даже неукоснительное соблюдение всех норм международного права не способно снять проблему насилия в эпоху глобализации. Данной эпохе присущ новый тип войны – т. н. «тотальная война», которая не укладывается в правовые рамки ограничений на применение насилия по причине неадекватности международного военного права в силу отставания юридической науки от военной практики современной ситуации, когда стало возможным использовать в качестве оружия все компоненты и возможности техносферы, имеющие мирное исходное назначение²⁷.

Проблема безопасности оказывается первичной и наиболее фундаментальной для смены типа дальнейшего развития страны и цивилизации в целом, что также чрезвычайно актуализирует вопросы, связанные с военным прогрессом. Необходимость вести войны либо с целью включения других наций в свои цели накопления ресурсов, либо с целью защититься от такого включения, провоцирует совершенствование вооружений, совершенствование своих возможностей в деле уничтожения противника.

Существующие на сегодняшний день подходы к определению прогресса не учитывают многообразие человеческого опыта в условиях глобализации, что предполагает формирование более основательного методологического базиса, который и будет проанализирован далее.

В данной связи важно различать прогрессивно-поступательное развитие общества, развитие не прямое, противоречивое, включающее в себя и элементы отступления, и тупиковые линии истории отдельных народов, и саму идею вершинности в истории. Если признать прогрессивно-поступательное развитие в истории, то вершин в ней не было и не будет, что в значительной степени связано со спецификой военного прогресса.

Важно не смешивать ни одну из двух указанных версий метафизики с диалектикой, посчитав достаточным определить, например, одну из версий диалектическим идеализмом Гегеля, а другую диалектическим материализмом Маркса, в котором диалектика Гегеля оказывается перевернутой с головы на ноги.

В органистической модели общество предстает как целое, определенная система, структурированная особым образом на части, к которым оно полностью не сходит. При этом пони-

---

²⁷ Юрьев А.И. Хотят ли русские войны // Власть. 2003. № 10. С. 25–26.

мании человек реализует себя в зависимости от места, занимаемого им в обществе и участия в общем процессе. Отношения людей определяются не договором или контрактом, а согласием членов общества, в котором учитываются объективные закономерности исторического развития. Например, К. Марксом была разработана концепция материалистического понимания истории, суть которой составляет положение о способе производства, который складывается объективно, т.е. независимо от воли и сознания людей. С точки зрения марксизма, производительность труда – это важнейшее, самое главное для победы нового общественного порядка. Но этот критерий – экономический, он отображает уровень развития продуктивных сил, а не общественных отношений, тем более – не общественного порядка. Для марксистов данный критерий является единственно правильным, так как марксизм строится на принципах экономического детерминизма. Однако данный подход к исследованию военного прогресса не может быть применим в полной мере, поскольку экономический критерий, как показывает история мировых войн, при всей своей важности, все же не может быть определяющим.

Раскрытие, развитие и всемерная организация коллективистских форм жизни, выступающих в качестве объективной диалектики жизни общества России. Коллективизм, в основе которого лежит диалектическое противоречие единого и многого, характеризуется в рамках понятийного аппарата, связанного с фундаментальной категорией «совершенства» (совершенство общественных отношений, усовершенствование общественной жизни и т.д.). В данной связи естественное состояние коллективистского общества России раскрывается в таких космических оформлениях социального совершенства, как организация, стройность, упорядоченность, диалектическое противоречие (единого и много – общества и личности; культуры и цивилизации; смуты и порядка и т.д.). Система управленческих решений, направленных на совершенствование форм коллективистской организованности общества России предстает как основной антиэнтропийный вклад в его социальные нестроения.

Принципиальное значение для анализа военного прогресса имеет концепция Н.М. Чуринова, в которой разрабатывается двухпроектный подход к анализу социальных процессов, а также анализируются виды социального прогресса²⁸. Согласно концепции Н.М. Чуринова, «... имеют место две основные идеологические культуры (метафизическая и диалектическая); если идеологии-репрезентации – это идеологии игры (И. Хейзинга, Х. Ортега-и-Гассет, Г. Гессе), символической вселенной (К. Леви-Строс, Э. Кассирер), полового инстинкта (З. Фрейд), потребности (К. Маркс, Ф. Энгельс) и т. д., то идеологии-образы общественной жизни – это идеологии, центром внимания которых являются законы общественного развития, законы диалектики: это особая идеологическая культура, несовместимая с плюрализмом»²⁹. Соответственно, в системе каждого единства теории и истории формируются собственные, аутентичные проектам науки типы социальных проектов, идеалы истинности (образ или репрезентация-фикция). Одно единство отображает естественноисторический процесс, другое – репрезентирует его.

Существует три основных научно-концептуальных подхода в рамках теоретической разработки понятия «военный прогресс».

- 1) Основан на принципах неоминалистской версии в метафизической методологической традиции и раскрывается в либеральной концепции управления обществом;
- 2) разработан на основе неореалистской версии в метафизической методологической традиции и раскрывается в консервативной концепции управления обществом;

²⁸ Чуринов Н.М. Совершенство и свобода: Философские очерки. 2-е изд. доп. Красноярск: СИБУП, 2003; Чуринов Н.М. Историческая идеология и историческое сознание // Теория и история. 2004. № 2 и др.

²⁹ Чуринов Н. М. Об идеологической культуре // Теория и история. 2002. № 1. С. 9.

3) основан на принципах диалектической (отечественной) концепции управления обществом³⁰.

В контексте различных методологических традиций различают два типа общества: индивидуалистическое и коллективистское, что приводит к осуществлению двух различных моделей мира: Универсум и Лад. «Лад предстает как нечто органично и естественным образом оформляющее общественную жизнь русского народа»³¹.

Каждый из типов реализуется в многообразных конкретных видах общества, что и определяет как особенности общественного прогресса, так и специфику военного прогресса. Н.М. Чуринов предлагает концепцию не противопоставления коллективистского и индивидуалистического типов общества, а их различения, раскрывает необходимость изучения каждого типа общества в системе адекватного ему проекта науки. Применительно к наукам об обществе различение метафизического и диалектического подходов является актуальным, поскольку в каждом из них находит отражение характер общественной практики, традиционный для той или иной страны³².

Военный прогресс должна соответствовать тому типу общества, в котором она разрабатывается. Поэтому в этом контексте метафизического проекта науки военный прогресс имеет частный характер, являясь презентацией – никак не соотносимой с объективной реальностью логической конструкцией, представляющую действительность в соответствии с частными – индивидуальными, групповыми, классовыми и другими интересами.

Одним из имманентных моментов развития науки в революционный период является альтернативность ее содержания. Альтернативность как обязательная сторона противоречивого процесса познания присуща и понятию философская модель мира. Указанное противоречие предполагает противопоставление двух ее разновидностей.

1. Мир как Космос, подчиняющийся диалектическому принципу всеобщей связи явлений и выступающий в научном знании в качестве образа действительного мира, который наделен атрибутами порядка, системности и организованности.

2. Мир как Универсум, создаваемый свободной волей субъекта. Интеллектуальная репрезентация, символическое выражение мира имеют здесь самостоятельное существование по отношению к действительному миру, причисляемому к трансцендентальной реальности (по И. Канту). Трансцендентальная реальность метафизически отделена от субъекта научной деятельности.

Можно утверждать, что модель мира – это философская концепция, формирующаяся на основе представлений о субстанциональных характеристиках мира, выражающих те его качества, которые являются актуальными для определенной исторически альтернативной традиции в научном познании. Характерной особенностью модели мира является то, что она указывает на приоритетное положение одного из двух философских методов – диалектического или метафизического. При этом в рамках диалектики научное знание представляет как образ мира, а в рамках метафизики – как его репрезентация.

Модель мира является выражением наличных определений жизни общества того или иного типа – социальности, специфики культуры и цивилизации. Поскольку управление обществом – это функция социальных институтов, поскольку любая методология управления обществом выражает в себе специфику управленческой институциональности, характерную для данного типа социальности, культуры и цивилизации. Именно социальные институты осуществляют управление обществом и применяют адекватную своей сущности методологию

³⁰ Григоренко Д.Е. Научное управление обществом в системе основных проектов науки // Теория и история. 2011. № 2. С. 62.

³¹ Чуринов Н.М. Русская модель мира Лад // Теория и история. 2008. № 1. С. 22.

³² Князев Н. А. Философские основы проектного анализа науки // Теория и история. 2004. № 3. С. 144.

управления. Сами принципы универалист-ской модели мира (антропоцентризм, дуализм и репрезентация действительности) являются ничем иным, как теоретическим выражением управленческой институциональности индивидуалистического типа. Последний предполагает состояние взаимной конкуренции и преобладания социальных институтов. В данной связи методология управления индивидуалистическим обществом может быть востребована ровно в той мере, в которой она выражает принципы управленческой институциональности индивидуалистического типа и адекватной ему модели мира – принципы антропоцентризма, дуализма, репрезентации.

Исходя из сказанного, дадим следующую обобщенную характеристику модели мира в рамках философии науки:

1. Модель мира отражает субстанциональные характеристики мира. Эти характеристики выступают в роли таких качеств мира, которые являются актуальными для научного познания в той или иной его традиции, том или ином проекте науки.

2. В модели мира отражается либо диалектический, либо метафизический метод познания.

3. Модель мира предполагает противоречивую природу науки в форме альтернативных проектов науки. Эта противоречивость выражается через соотношение «аристотелевский – софистский» (по происхождению того или иного проекта науки), «космический – универалистский» (по отношению к моделям мира), «диалектический – метафизический» (по методу философского познания), «образ-репрезентация» (по способу постижения мира)³³.

Развитие общества есть естественноисторический процесс. При этом в индивидуалистическом обществе это процесс удовлетворения потребностей индивидов, их деятельность в совокупности является определенным способом блокирования отклонений от нормы, специфической формой реализации его естественноисторического процесса. Вместе с тем коллективистическое общество сущностью своей деятельности нацелено на то, чтобы превалировали жизнеутверждающие общественные отношения, позволяющие блокировать отклонения от нормы естественноисторического процесса. И таким образом выясняется, что коллективистское общество предполагает принципиально иную форму реализации естественноисторического процесса³⁴.

Каждому проекту соотношения научной теории и научной истории свойственны собственные стандарты научности. Отсюда вытекает необходимость учитывать и различать стандарты проектов науки. Отметим, что коллективистический проект соотношения научной теории и научной истории соответствует диалектическому проекту науки, индивидуалистический проект – метафизическому проекту науки. В первом случае научное познание сосредотачивается на реализации объективных законов в содержании естественноисторического процесса, и главное внимание уделяется объективной и субъективной диалектике этого процесса. Во втором случае центральное место отводится деятельности правителей, полководцев, функционированию государств в делах по претворению в жизнь общественных договоров, политических программ, законодательных актов и т.д., а также внедрению социальных технологий, позволяющих реализовать данные, акты, программы, договоры и т.д. Оба рассмотренных случая показывают, в каких качествах естественно-исторический процесс предстает для научной теории и научной истории как нечто существенное, раскрывающее для каждого проекта содержание этого процесса как нормы и соответствующие отклонения от норм.

Важно учитывать, что каждое общество в военной сфере общественной жизни отличимо от других по основаниям стандартов естественности общества, а именно: а) в обществе потребления естественное состояние – состояние вражды, соперничества: естественное право на все,

---

³³ Князев Н.А. Философские основы проектного анализа науки // Теория и история. 2004. № 3. С. 140

³⁴ Там же. С. 55

вплоть до убийства, это право детерминирует общественную жизнь (необходимость государства для целей правового регулирования общества потребления); б) в обществе созидания естественность проявляется в виде усовершенствования общественных отношений.

Особенности проявления военного прогресса в метафизическом проекте

Свобода в либеральном понимании – это неравенство. Об этом открыто пишут классики: «Мы должны прямо признать, что сохранение индивидуальной свободы несовместимо с полным удовлетворением наших стремлений к распределительной справедливости»³⁵. Способ существования индивидуалистического общества (общества потребления) постоянно провоцирует войну и предполагают определенный уровень военного прогресса. Индивидуалистическое общество предполагает единство человеческого мира в качестве реализации свободы воли, индивидуальной свободы; при этом личность формируется в условиях соответствующего аспекта единства человеческого мира. Следовательно, военный прогресс выступает как способ существования соответствующих определенному аспекту единства человеческого мира наличных общественных отношений.

Согласно специфике индивидуалистического общества естественно-исторический процесс может быть адекватно изучен, если в нем принимается во внимание прежде всего реализация определенных общественных договоров, так сказать, заключенных между правителями и обществом, а, следовательно, востребуется система теоретизирования, предполагающая возможность конструирования этих договоров. В свою очередь, специфика коллективистического общества заключается в том, что оно жизнеспособно при условии непрерывного совершенствования общественных отношений и, следовательно, естественнонаучный процесс существенен для научного познания как процесс их развития от менее совершенных к более совершенным, процесс объективной диалектики общественной жизни, действия законов общественного развития. Так в контексте реализации специфики двух типов общества раскрываются адекватные жизни двух типов общества единство научной истории и научной теории³⁶

---

³⁵ Восканян М. Монополизация свободы // Однако. 2011. 2 мая. С. 51.

³⁶ Калашников В.Д. Научная теория и научная история // Теория и история. 2002. № 1. С. 48.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.